

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 94(410)
DOI 10.46698/VNC.2023.18.10.001

С.А. Васильева

«Преступность есть род нравственной болезни...»: представления о средствах и методах лечения и профилактики криминального поведения в англо-американском социокультурном пространстве в конце XVIII – начале XIX вв.

Светлана Анатольевна Васильева

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, профессор кафедры философии и истории, доцент ORCID 0000-0002-3030-262X, доктор исторических наук, Россия, Рязань, vasi-svetlana@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности общественного отношения к преступности и преступному поведению в англо-американской пенитенциарной мысли. Отказ от карательной парадигмы уголовного правосудия, в рамках которой общество стремилось избавиться от криминальных элементов, предопределил формирование пенитенциарной системы, главной целью которой стало исправление преступника и восстановление его социальной полезности. Возникает тенденция рассматривать преступное поведение как социальную болезнь, пенитенциарий – как место и условие излечения преступника, а труд и религиозное обращение рассматриваются в качестве основных средств общественной терапии.

Ключевые слова: пенитенциарные реформы, преступное поведение, социальные девиации, Дж. Говард, Б. Раш

Для цитирования: Васильева С.А. «Преступность есть род нравственной болезни...»: представления о средствах и методах лечения и профилактики криминального поведения в англо-американском социокультурном пространстве в конце XVIII – начале XIX вв. // Вестник Владикавказского научного центра. 2023. Т. 23. № 3. С. 49–53. DOI 10.46698/VNC.2023.18.10.001

«Crime is a kind of moral disease ...»: ideas about the means and methods of treatment and prevention of criminal behavior in the Anglo-American socio-cultural sphere in the late XVIII – early XIX centuries

Svetlana A. Vasileva

Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia, Department of Philosophy and History, Associate Professor, Professor, Dr., Russia, Ryazan, vasi-svetlana@yandex.ru

Abstract. The article examines the peculiarities of public attitudes to crime and criminal behavior in Anglo-American penitentiary thought. The shift of the punitive paradigm of criminal justice (in which society sought to get rid of criminal elements by means of death penalty or expulsion) predetermined the formation of the national penitentiary system, the main purpose of which was the correction of the criminals and the restoration of their social usefulness. There is a tendency to consider criminal behavior as a social disease, the penitentiary as a place and condition for the cure of the criminal, and labor and religious conversion are considered as the main means of social therapy.

Keywords: penitentiary reforms, criminal behavior, social deviations, J. Howard, B. Rush

For citation: Vasileva S.A. «Crime is a kind of moral disease ...»: ideas about the means and methods of treatment and prevention of criminal behavior in the Anglo-American socio-cultural space in the late XVIII – early XIX centuries // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 2023. Vol. 23. No 3. P. 49–53. DOI 10.46698/VNC.2023.18.10.001

В 1896 г. известный отечественный юрист-цивилист А.С. Гольденвейзер в обозрении современной ему системы уголовных наказаний и ее будущности позволил себе следующее рассуждение:

“Все счастливые семьи похожи друг на друга; каждая несчастливая семья несчастлива по своему“. Казалось бы, что глубокое замечание нашего романиста целиком может быть распространено и на те огромные семьи в лоне человеческого, которые называются особыми народами: что внутренние беды, которые переживает каждый народ и которые мешают ему быть счастливым у себя дома, у каждого из них свои собственные и на свой особый лад. Но видимо в области того

зла, которое носит название преступности, различия этого не существует и народы, живущие на юге-ли или на севере, на восточном-ли или на западном полушарии, в этом отношении несчастливы не каждый по своему, а все одинаковым образом; страдают они этим, как одной болезнью, с одинаковыми симптомами, и все ждут исцеления от одинаковых средств лечения» [10, с. 4–5].

Данный пассаж отражает не только важный этап развития пенитенциарной науки – оформление идейных основ классической школы криминологии и уголовного права и интернационализацию пенитенциарных практик, но и концептуальный

подход к феномену преступления и наказания, обладавший на дискуссионных площадках международных тюремных конгрессов, собиравшихся регулярно с 1872 г. Другой отечественный правовед, М. Филиппов, в обзоре зарубежных учреждений, исполняющих наказания, выразил сходную мысль: «Преступление есть род нравственной болезни, для исцеления которой употребляется наказание. Способ употребления этого средства есть вопрос общественной терапии» [12, с. 34].

Концепты «*преступление как болезнь*» и «*наказание как врачевание*» встречаются в трудах европейских мыслителей с XVI в. Просвещенческий оптимизм впечатляюще изменил образ мышления эпохи: человек стал восприниматься не только как венец творения, но и как некий механизм, который мог совершенствоваться. Бедность, аморальное и преступное поведение, пренебрежение к религии европейские интеллектуалы уподобляли социальным недугам, а болезни, как известно, можно и нужно было диагностировать, понять этиологию и пробовать «*лечить*». Одним из первых подобные взгляды выразил представитель раннего английского Просвещения Томас Мор в знаменитой «*Утопии*» (1516). Поднимая вопрос о социальных, экономических и нравственных причинах преступного поведения, Мор предупреждал: «Если вы не уврачуете этих бедствий, то напрасно станете хвастаться своим испытанным в наказаниях воровства правосудием, скорее с виду внушительным, чем справедливым и полезным» [11, с. 30]. Между тем опытный врач, уверен автор «*Утопии*», испробует все средства до полного излечения. Мор конструировал систему правосудия, основанную на «*лечении бедствий*» – *порочных нравов и негодного воспитания*, а «*исцелять*» преступников предлагал *введением общественных работ*, когда «люди остаются в целостности и встречают такое обхождение, что им необходимо стать хорошими и в остальную часть жизни искупить все то количество вреда, которое они причинили ранее» [11, с. 35].

Подобный подход станет впоследствии основой аргументации в дискурсе пенитенциарных реформаторов конца XVIII – середины XIX вв., но в начале XVI столетия встретить подобное предложение более чем удивительно. Но, возможно, осознав несвоевременность подобных мыслей, Мор ввел в диалог англичанина, который на предложение ввести нечто подобное в Англии «*скривил презрительно губы*» и заявил: «Никогда ничего подобного нельзя установить в Англии, не подвергая государство величайшей опасности», и «все присутствующие охотно согласились с его словами» [11, с. 36–37]. Тем не менее, начиная с Т. Мора, английские философы, экономисты, религиозные, политические и общественные деятели, анализируя преступление как факт социальной жизни, усматривали в его составе элементы заболевания, которые предлагали «*лечить*» различными способами [9].

Следуя медицинским принципам, признав в преступности болезнь, просветители пытались углубиться в этиологию – изучить причины и условия ее возникновения, а также обнаружить ту «*часть механизма*» человека, функционирование которой оказалось пораженным. Взгляды медиков на механизмы распространения «*морального заражения*» не только тесно связаны с достижениями эпидемиологии XVIII в., но и в целом отражают социальную философию Просвещения. В исследовании «*Состояние тюрем Англии и Уэльса*» английский врач и реформатор Джон Говард активно использовал профессиональный медицинский дискурс: преступное или порочное поведение именовал болезнью (язвой, недугом), а также наделял его свойствами, присущими эпидемическим заболеваниям, – способностью быстрого распространения при наличии неблагоприятных условий. Европейские тюрьмы, по убеждению Говарда, представляли собой концентрацию таких условий, когда «*проявления порока*» у одного заключенного стремительно заражает остальную часть тюремного населения «*тягой к праздности, сквернословию и разврату, жадной легкой наживы*» [5, р. 13]. Публицист Г. Филдинг также был убежден, что подобные пороки «*обречены неизбежно распространяться среди низших слоев населения Лондона, порождая потенциальных преступников*» [3, р. 31].

Итак, признав в преступном поведении болезнь и определив условия ее развития, интеллектуалы и практики стремились обнаружить пораженную часть организма, которая нуждалась в излечении. В печатной проповеди начала XVIII в. «*Представления о современном состоянии религии, в особенности в связи с ростом безбожия*» автор сетовал на «*поток бесчестия и распущенности, которые обрушились на наш народ и запятнали облик как церкви, так и королевства в целом*» и отмечал стремительное «*расползание болезни души*» среди беднейших слоев населения [1, р. 13]. Английский политический деятель Дж. Дорнфорд, призывая к тюремной реформе в конце XVIII в., писал: «Ничего кроме настоящей реформы не сможет спасти нас от разложения как нации... Я с горечью признаю, что мы совсем не заботимся о телесном здоровье узников, но еще менее того о душевном» [8, р. 77].

Так английские интеллектуалы уже в XVIII в. увидели в преступном или порочном поведении все признаки социального заболевания и активно приступили к разработке методов общественной терапии. Причины «*болезни души*» реформаторы пытались объяснить отступлением части членов общества от общепринятых норм, под которыми в первую очередь понимали нормы религии и нравственности, и только во вторую – нормы уголовного закона. Признавая порочное или преступное поведение моральным изъяном, склонным к распространению, реформаторы поставили вопрос о

необходимости изолировать «больного» в специализированных учреждениях, чтобы предотвратить развитие недуга и приступить к излечению. Просветитель Дж. Хэнвей в трактате «Одинокое тюремное заключение» предложил схему тюрьмы-реформатория, в условиях которого возможна организация *исправительного заключения* [4]. Если преступные наклонности – болезнь души, то реформаторий – место, а одиночество – условие ее излечения. Так, искусно сочетая медицинский тезаурус и реформаторскую риторику, филантропы, религиозные деятели, врачи и политики постепенно подошли к вопросу о *средствах* и *методах* лечения социальных недугов.

Первый биограф Дж. Говарда, его друг Дж. Эйкин подчеркивал фанатичную убежденность знаменитого филантропа в том, что «величайшая жестокость предать душу гибели, не приложив всех усилий для ее спасения, в то время как надлежащие средства лечения, должным образом примененные, восстановят большую долю наихудших случаев душевного повреждения» [2, р. 52]. Поскольку забота о душе традиционно входила в компетенцию религии, неудивительно, что идейным источником эффективных методов общественной терапии стала система ценностей английского протестантизма. В предметном поле библейского покаяния мыслители увидели *духовный потенциал исправления преступника*. Поэтому логичным и соответствующим духу Просвещения и христианского милосердия казалось выстраивание такой парадигмы уголовного наказания, фокусом которой станет возможность обращения преступника / грешника посредством достижения покаяния. Дальнейшее развитие намерений «врачевать» порочные нравы и преступное поведение подразумевало постоянный поиск «лекарств» от социальных девиаций – бедности, бродяжничества, долговых преступлений. Воспитательный потенциал труда (в данном случае *принудительного*) – как истинно протестантской добродетели и условия успешной ресоциализации – был признан беспрецедентным средством «общественной терапии».

Если английских интеллектуалов с полным правом можно назвать блестящими теоретиками доктрины пенитенциарного исправления, то американцев – первыми экспериментаторами и практиками. Именно в США в конце XVIII – начале XIX вв. появились исторически первые пенитенциарные учреждения, которые в корне изменили представления о методах и средствах тюремного заключения. Первой тюрьмой, на практике воплотившей разработанную английскими теоретиками концепцию «врачевания» порочных нравов и преступного поведения, стал филадельфийский «Дом покаяния» на Уолнат-стрит. Организаторы пенитенциария сформировали правила тюремной дисциплины по системе «молчания и разобщения», основанной на строгом разделении заключенных, обеспечении полной тишины, условий для чтения Библии и простого труда. Американским вкладом-новацией в идейные основы теории пенитенциарного ис-

правления стали воззрения и практические наработки «отца американской психиатрии» Бенджамин Раша. Анализ содержания медицинских трактатов Раша позволяет сделать вывод о знакомстве автора с передовыми взглядами английских врачей-реформаторов, таких как Дж. Говард и Дж. Фозергил, на чье мнение и положительный опыт американец неоднократно ссылается. Однако его собственная теория преступности и методы борьбы с этим явлением отличаются оригинальностью, и их вполне можно назвать «самобытным» вкладом в теорию пенологии.

Разделяя взгляды английских интеллектуалов, Раш считал преступления болезнью и настаивал на изоляции (карантине) больных от общества на период излечения. Но если в дискурсе английской реформы концепт «преступление как болезнь» звучал скорее в метафорическом философско-религиозном смысле, то в воззрениях Раша девиантное поведение превратилось в медицинский диагноз. В серии медицинских трактатов доктор Раш рассматривал преступное или порочное поведение как *«расстройство моральной способности»* [6]. Под моральной способностью автор понимал «способность человеческого духа различать добро и зло, добродетель и порок и делать выбор между ними» [6, р. 1]. Раш настаивал на дифференциации понятий «совесть» и «моральная способность» и считал, что объединяющая задача этих качеств человека – «осуществлять обязанности законодателя», различие же состоит в том, что местопребывание совести – рассудок, а местопребывание моральной способности – воля. Источник преступлений, совершаемых человеком, американский просветитель усматривал не в порочном *мышлении* (регулируемом совестью), а в *порочном действии*, значит, поврежденный орган, который нуждается в исцелении, – воля. Таким образом, доктор Раш сближался с английскими врачами-реформаторами в оценке преступного поведения как рода нравственной болезни, но, в отличие от религиозно-абстрактных намерений англичан «врачевать душу», американский специалист предполагал направленно воздействовать на волевые способности личности преступника.

Доктор Раш был убежден, что в современном ему просвещенном обществе совесть, «подобно мудрому и преданному законодателю», осуществляет контроль над моральной способностью и таким образом предотвращает роковые последствия безнравственных поступков. Однако при неблагоприятных обстоятельствах, когда «воля теряет способность делать выбор и пользоваться моральными благами» [6, р. 4], моральная способность может оказаться в состоянии спячки или быть подвержена заблуждениям, в результате чего человек склоняется к порокам и преступлениям. Новаторство и уникальность своего метода лечения Раш видел в том, что никто из медиков до него не пытался проследить связь между повреждением моральной способности и физическими причинами. Таким образом, корректируя влияние физических факторов, врач может

восстановить способность воли делать выбор в сторону добродетели и тем самым добиться исправления порочного поведения.

Каждая физическая причина может как негативно, так и позитивно влиять на моральную способность. Раш рассматривал зависимость человеческого поведения от климата, режима питания и напитков, трудовой деятельности, физической боли и болезни, сна, чистоты, запахов и даже красноречия и молчания! Негативное воздействие физического фактора влечет человека к пороку: например, сильный голод преобладает над разумом, обостряет жестокость, побуждает к воровству; спиртные напитки разжигают страсти и склоняют к гневу, результатом чего может стать физическое насилие. Источником всех пороков доктор Раш считал лень: «Мозг праздного человека – это мастерская дьявола», – заявлял американский просветитель в одном из своих трактатов [7, р. 360]. Рассматривая дела преступников, помещенных в тюрьмы Филадельфии, как истории болезни, в каждом случае доктор Раш находил причинно-следственную связь между неблагоприятным влиянием сочетания физических факторов и преступным деянием. «Насколько люди, чьи болезни были упомянуты, должны рассматриваться как ответственные перед человеческими или божественными законами за свои действия, и где должна быть проведена черта, отделяющая свободу воли от потребности, а порок от болезни, я не могу определить, – рассуждает автор, – ...но если признать, что такие люди в высшей степени являются объектами сострадания, то задача медицины состоит в том, чтобы помогать как религии, так и закону в предотвращении их деяний и лечении их морального отчуждения ума» [7, р. 360].

Осуществлять «лечение» безволия и пороков Раш также предлагал благоприятным для моральной способности сочетанием физических факторов влияния. Цитируя «г-на Говарда», доктор настоятельно рекомендовал лечить лень *выучкой* и *трудом*, а буйность – *одиночеством*: «для лиц, предрасположенных к пороку, веселое, а еще в большей степени нечестивое общество и беседы становятся причиной возбуждения и подобно искре, высеченной огнем из кремня, воспаляют порок, делая его более деятельным и явным. Лишив таких людей этих возбудителей, их зачастую можно исправить, особенно если уединить их на достаточно длительное время, дабы отучить их от порочной привычки. В тех случаях, когда одиночество и тюремное заключение могут быть дополнены размышлением и наставлениями из книг, их благотворное влияние еще более определено». «Механическим средством содействия добродетели» Раш считал *молчание* как средство обуздания буйного ума, воспитания привычки к терпению и сдержанности [6, р. 15–16]. Именно такая среда, по мнению сторонников одиночного режима тюремного содержания, создаст идеальные условия для нравственного и духовного перерождения преступника.

Через несколько лет после «запуска» прогрессивной тюрьмы на Уолнат-стрит Б. Раш опубликовал

небольшое исследование медицинского характера. По мнению американского специалиста и его последователей, преступник душевно болен, и следует как можно скорее передать его под контроль врача /наблюдателя, который для исцеления больного должен достичь полного контроля над его личностью. Исходя из этого, приветствовались медицинские знания и навыки у лиц, отбираемых на должности тюремного персонала. Истории пациентов доктор Раш использовал для подтверждения клинической картины «расстройства моральной способности», процесс заключения – как «возрождение совести и всякой моральной и религиозной рефлексии», а итог содержания – как констатацию восстановления волевых способностей, выразившихся в возвращении преступника-пациента к труду и честной жизни. «Пусть эта христианская система уголовного права распространится, без каких-либо препятствий, по всему миру, – оптимистично завершал медицинский трактат доктор Раш. – И пусть правители наций узнают из этого, что реформирование преступников, а также предотвращение преступлений должны быть объектом любого наказания, и что последнее может быть гораздо эффективнее продемонстрировано путем сохранения жизни, а не преданием смерти!» [7, р. 366].

Его резюме во многом можно назвать пророческим: новая система уголовного права действительно в течение столетия распространилась в европейских странах, идеалы Просвещения воплотились в современные концепции прав человека, гражданского общества и демократии, правового государства, деловой этики и рыночного капитализма. Именно под влиянием этих идей из пенитенциарных практик исчезла карательная зрелищность публичных казней и пыток, произошло общее смягчение строгости уголовно-исполнительной системы, которая приняла четко выраженный исправительный характер. Медицинский курс англо-американских пенитенциарных реформ, соединивший философские, социальные и профессиональные рассуждения о средствах и методах лечения и профилактики криминального поведения также получил дальнейшее развитие. Становление психиатрии, на которую в XIX в. возлагались особые надежды по совершенствованию «общественной гигиены», и ее интеграция в механизмы отправления правосудия, привело к тому, что «криминальное безумие» стало центральным объектом изучения для молодой науки. Сначала психиатры сотрудничали с судебными властями только на этапе следствия, диагностируя безумие субъектов преступлений, которые завораживали порой судебные власти своей жестокостью и необъяснимой безосновательностью, и принимая решение о принудительном помещении в специализированные учреждения.

В связи с развитием медицины тюремные реформы начала XIX в. получили новый импульс и направление: психиатрия начинает функционировать как наука, ответственная за общественную гигиену, ассистируя уголовно-исполнительной системе в профилактике возможных преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *A representation of the present state of religion, with regard to the late excessive growth of infidelity, heresy, & profaneness: Drawn up by the Upper House of Convocation of the Province of Canterbury, and transmitted to the Lower House for their approbation / Church of England. Province of Canterbury. Convocation. Upper House. Dublin, 1711.*
2. Aikin J. *A View of the Life, Travels, and Philanthropic Labors of the Late John Howard.* N-Y., 1814.
3. Fielding H. *An Enquiry into the Causes of the Late Increase of Robbers. etc. with Some Proposals for Remediating this Growing Evil.* L., 1751.
4. Hanway J. *Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutory Prevention.* L., 1776.
5. Howard J. *The State of the Prisons in England and Wales.* 4th ed.L., 1792.
6. Rush B. *An inquiry into the influence of physical causes upon the moral faculty.* Philadelphia, 1839.
7. Rush B. *Medical inquiries and observations upon the diseases of the mind* Philadelphia, 1812.
8. *The Oxford History of the Prison. The practice of punishment in Western society / ed. Morris N., Rothman D.* N-Y., 1995.
9. Васильева С.А. Концепт «преступление как социальная болезнь» в дискурсе пенитенциарных реформ XVIII в. [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 4 (78).
10. Гольденвейзер А.С. *Современная система наказаний и ее будущность по трудам Парижского пенитенциарного конгресса.* – Киев, 1896.
11. Мор Т. *Утопия; Кампанелла Т. Город Солнца; Бекон Ф. Новая Атлантида / пер. с лат. А. Малеина, Ф. Петровского; пер. с англ. З. Александровой.* – СПб., 2017.
12. Филиппов М.А. *История и современное состояние карательных учреждений за границу и в России.* – СПб., 1873.

REFERENCES

1. *A representation of the present state of religion, with regard to the late excessive growth of infidelity, heresy, & profaneness: Drawn up by the Upper House of Convocation of the Province of Canterbury, and transmitted to the Lower House for their approbation / Church of England. Province of Canterbury. Convocation. Upper House. Dublin, 1711.*
2. Aikin J. *A View of the Life, Travels, and Philanthropic Labors of the Late John Howard.* N-Y., 1814.
3. Fielding H. *An Enquiry into the Causes of the Late Increase of Robbers. etc. with Some Proposals for Remediating this Growing Evil.* L., 1751.
4. Hanway J. *Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutory Prevention.* L., 1776.
5. Howard J. *The State of the Prisons in England and Wales.* 4th ed. L., 1792.
6. Rush B. *An inquiry into the influence of physical causes upon the moral faculty.* Philadelphia, 1839.
7. Rush B. *Medical inquiries and observations upon the diseases of the mind* Philadelphia, 1812.
8. *The Oxford History of the Prison. The practice of punishment in Western society / ed. Morris N., Rothman D.* N-Y., 1995.
9. Vasil'eva S.A. *Koncept «prestuplenie kak social'naya bolezni» v diskurse penitenciarny`x reform XVIII v. [E'lektronny`j resurs] // E'lektronny`j nauchno-obrazovatel'ny`j zhurnal «Istoriya».* 2019. T. 10. Vy`p. 4 (78).
10. Gol'denvejzer A.S. *Sovremennaya sistema nakazaniy i ee budushhnost` po trudam Parizhskogo penitenciarного kongressa.* – Kiev, 1896.
11. Mor T. *Utopiya; Kampanella T. Gorod Solncza; Bekon F. Novaya Atlantida / per. s lat. A. Maleina, F. Petrovskogo; per. s angl. Z. Aleksandrovoj.* – SPb., 2017.
12. Filippov M.A. *Istoriya i sovremennoe sostoyanie karatel'ny`x uchrezhdenij za graniceyu i v Rossii.* –SPb., 1873.

